

Т. В. ГАМКРЕЛИДZE

СОВРЕМЕННАЯ ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ (II)*

4. Общекартвельская языковая модель в изложенной интерпретации находит ближайшую структурно-типологическую параллель в общендоевропейской языковой системе. Деление фонемного инвентаря на подклассы собственно согласных, собственно гласных и сонантов характерно и для индоевропейской фонологической системы; при этом в обеих системах типологически идентичны составы класса сонантов и класса гласных в собственном смысле. Модели распределения слоговых и неслоговых аллофонов сонантических фонем в картвельском и индоевропейском¹ почти идентичны². Притом развитие слоговых сонантов в картвельских языках аналогично развитию их в индоевропейских диалектах, где общендоевропейские сонантические фонемы были преобразованы в результате вокализации слоговых сонантов и возникновения на их месте гласных полного образования.

В подклассе согласных тройки общекартвельских смычных, противопоставляемых друг другу как звонкие ~ глухие (с аспирацией в качестве фонологически избыточного признака) ~ глоттализированные, могут быть типологически сопоставлены с трехчленной системой противопоставления смычных в индоевропейском по признаку звонкости ~ глухости ~ аспирации (со звонкостью в качестве фонологически релевантного признака аспирированных фонем).

Общекартвельская морфонологическая система с механизмом аблаутных чередований гласных обнаруживает разительное типологическое сходство с моделями чередований, реконструируемыми для общендоевропейского языка. Фонемная структура морфем и система синтагматических отношений между ними в общендоевропейском (как она представлена в реконструкциях Э. Бейвениста³) и общекартвельском могут быть описаны в одних и тех же структурных терминах: основная каноническая форма корневой морфемы *CVC/S-* и суффиксальной *-VC/S*; противопоставление нормальной, нулевой ступени огласовки и ступени растяжения; невозможность двух нормальных ступеней в основе (принцип моновокализма), обуславливающая чередования типа *CVSC-/CSVC-*, так называемый *Schwebelaut*: н.-е. **perk-/ *pek-/ *pŕk-*; картв. **derk-/ *drek-/ *dŕk-*.

Такое разительное сходство (вплоть до совпадения) общекартвельских морфонологических моделей, восстановленных путем сравнительной и внут-

* Начало статьи см. в ВЯ, 1971, 2.

¹ О моделях распределения сонантов в индоевропейском см.: Fr. Edgerto n. The Indo-European semivowels, «Languages», 49, 2, 1943.

² К. Х. Шмидт в своей рецензии на «Систему связей...» указывает полную идентичность в схемах распределения картвельских и индоевропейских сонантических фонем, предлагая интерпретировать аллофон сонанта в позиции *C—V* как *-gS-* (см.: ИЯ, 73, 3, 1968, стр. 396).

³ Э. Бейвенист, Индоевропейское именное словособразование, М., 1955.

ренней реконструкции исторических картельских языков, с соответствующими общендоевропейскими моделями, позволяет говорить о картельско-ндоевропейском морфологическом изоморфизме, на основании которого картельский индоевропейский могут быть отнесены к общему структурно-типологическому классу языков. Картельско-ндоевропейский структурный параллелизм не ограничивается сферой морфологии. Исследования последних лет показали типологическую близость целого ряда морфологических и синтаксических структур в картельском и ндоевропейском⁴.

Структурно-типологическое сопоставление общекартельского и общендоевропейского и выявление картельско-ндоевропейского морфологического изоморфизма представляет в принципе новый вид типологии — типологию реконструированных языковых систем, которую можно назвать диахронической типологией. До самого последнего времени структурно-типологические штудии затрагивали в основном исторические языки, структурно-типологическое сравнение ограничивалось реально засвидетельствованными языками или языками, фиксированными в письменных памятниках. В таких типологиях единицы сравнения и классификации были исторические языки, и почти никакого внимания не уделялось типологической оценке теоретически реконструированных языковых систем. Однако для общей типологической теории диахроническая типология имеет первостепенное значение, поскольку она может дать существенную информацию об инвариантных структурных особенностях, характеризующих различные языковые системы независимо от времени и места их распространения. Теоретически реконструированные языковые модели должны стать объектом структурно-типологического сопоставления и оценки с целью выявления изоморфных и алломорфных отношений между ними. В этом отношении структурный изоморфизм, устанавливаемый между картельскими и ндоевропейскими морфологическими моделями на прямом уровне, приобретает особый теоретический смысл⁵.

Помимо общетеоретической значимости для структурной типологии языков выявляемый структурный параллелизм между картельским и ндоевропейским имеет определенное значение для реконструкции предистории этих языков и выяснения целого ряда вопросов картельской и ндоевропейской ареальной лингвистики.

Реконструируемый для общекартельского языка механизм аблаута как системы морфологических противопоставлений был, по всей вероятности, обусловлен в генезисе причинами фонологического порядка, действовавшими на ранних этапах развития общекартельского языка. Эту раннюю ступень развития общекартельской праязыковой системы, существовавшую эпохе возникновения и ней сонантических фонем и оформления механизма аблаутных чередований, можно наметить с некоторым приближением путем внутренней реконструкции в пределах самой обще-

⁴ См.: G. Deeters, Die Stellung der Kharthwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen, RK, 23, 1957, стр. 12 и сл.; А. Г. Шапизе. К вопросу о глагольной категории верии в древнегреческом, «IV Конференция по классической филологии. Ноябрь, 1969 (Секция греческого и латинского языков). Тезисы докладов [Тбилисский ГУ]», 1969, стр. 80 и сл.; К. Н. Schmidt, Zu den Aspekten im Georgischen und in indogermanischen Sprachen, RK, 43—44, 1963; его же, Indogermanisches Medium und Sataviso im Georgischen, RK, 48—49, 1965, стр. 129 и сл.; его же, Beiträge zu einer typologisch-vergleichenden Grammatik der indogermanischen und südkaucasischen Sprachen, Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 22, 1967; его же, Zur Tmesis in den Kartvelsprachen und ihren typologischen Parallelen in indogermanischen Sprachen, сб. «Тбилисский университет Георгия Ахвледиани», Тбилиси, 1969.

⁵ См.: Т. V. Gamkrelidze, Kartvelian and Indo-European: a typological comparison of reconstructed linguistic systems, «To Honor Roman Jakobson», I, The Hague — Paris, 1967.

картвельской системы позднего периода и восстановления архаичных праязыковых структур. Само собой разумеется, подобная «дальняя» реконструкция общекартвельских структур архаичного периода носит характер сугубо гипотетического построения, представляющего один из возможных вариантов образования поздней общекартвельской языковой системы в эпоху перед членением ее на самостоятельные языковые единицы.

На этой архаичной ступени общекартвельского праязыка можно предположить моновокалическую систему с монотонной слоговой структурой типа $C_1\bar{a}C_2\bar{a}C_3\bar{a}$ и фонологически релевантным динамическим ударением, вызвавшим на позднекартвельском уровне выпадение безударного гласного, сохранение подударного гласного в закрытом слоге и удлинение его в открытом.

В общекартвельских корневых и суффиксальных морфемах структуры CVC - и $-VC$ на месте простой согласной C могут быть представлены или лабиальный комплекс (Cw) или гармоничные комплексы согласных типа $\{q, \bar{z}, \bar{p}\}$ ⁶. С точки зрения функциональной роли фонем в морфемных структурах лабиальные и гармоничные комплексы приравниваются к простым (единичным) согласным и сонантам. Такая структурно-дистрибутивная особенность отмеченных комплексов позволяет интерпретировать их исторически в качестве монофонематических единиц.

В частности, комплексы типа $C + w$ можно интерпретировать на праязыковом уровне архаичного периода как лабиализованные фонемы, претерпевшие фонемное расщепление и превращение в бифонемный комплекс. Гармоничные комплексы согласных, которые на позднекартвельском уровне предстают как бифонемные сочетания, могут быть также возведены к единичным консонантным фонемам, характеризовавшимся, в противовес соответствующим простым согласным, фонологически релевантным признаком веляризации⁷.

Монофонематическая интерпретация общекартвельских лабиальных и гармоничных комплексов согласных восстанавливает для древнейшего пракартвельского состояния сложную консонантную систему с сериями лабиализованных и веляризованных согласных, которой противостояла вокалическая система с единственной вокалической фонемой * \bar{a} и система фонологически релевантного динамического ударения. Эта фонологическая модель, гипотетически отражающая древнейшую пракартвельскую систему архаичного периода, находит ближайшую типологическую параллель в языках северо-западного Кавказа с их сложной системой консонантизма и максимально упрощенной системой гласных⁸.

Трансформация пракартвельской фонологической системы архаичного периода осуществлялась в основном в направлении упрощения консонантизма (в результате расщепления лабиализованных и веляризованных согласных), фонологизации вокалических аллофонов фонемы * \bar{a} и образования особого класса сонантических фонем, что было связано с синкопой безударных гласных и возникновением механизма аблаутных чередований.

В результате подобных структурных преобразований на позднем общекартвельском хронологическом уровне возникает морфонологическая система языка, которая имеет разительные структурно-типологические

⁶ О гармоничных комплексах согласных см.: Г. С. Ахвледиани, Основы общей фонетики, Тбилиси, 1949, стр. 107 и сл.; 301 и сл. (на груз. яз.).

⁷ «Система сонантов...», стр. 368 и сл.; см.: Г. И. Мачавариани, Общекартвельская консонантная система, Тбилиси, 1965, стр. 93 и сл. (на груз. яз.).

⁸ См.: W. S. Allen, Structure and system in Abaza verbal complex, «Transactions of the Philological Society», Oxford, 1956, стр. 127 и сл.; А. Н. Куipersa, Phoneme and morpheme in Kabardian, «Gravenhage», 1960, стр. 104 и сл.

параллели с индоевропейскими морфонологическими моделями, постулируемыми для общиндоевропейского языка позднего периода⁹.

Чем было вызвано такое преобразование древнейших пракартвельских структур в сторону уподобления их индоевропейским структурам? Чем объяснить структурный изоморфизм картвельской и индоевропейской морфонологических систем, возникший на позднем общекартвельском уровне?

Одним из наиболее вероятных объяснений структурных преобразований, имевших место в пракартвельском, следует считать наличие в доисторическую эпоху картвельско-индоевропейских языковых контактов, продолжавшихся, по всей видимости, в течение длительного периода. Представляется, что эти языковые контакты и возникшая в результате языковая интерференция способствовали перестройке пракартвельских языковых структур архаичного периода и их уподоблению характерным для индоевропейского морфонологическим структурам¹⁰.

Предположение о существовании контактов между картвельским и индоевропейским, обусловивших морфонологический изоморфизм между этими системами, подкрепляется наличием в общекартвельском целого пласта заимствованной лексики, индоевропейское происхождение которой в высшей степени вероятно. К индоевропейским заимствованиям в общекартвельском можно отнести следующие лексические единицы, объединяемые в определенные подгруппы по семантическому признаку¹¹: **eksw* «шесть»: и.-е. **(s)yeḱs* «шесть»; **šwid* «семь»: и.-е. **septm* «семь»; **uvel* «ярьмо»: и.-е. **iugom* «ярьмо»; **rka* «рог»: и.-е. **keri*/**krā* «рог; голова»; **mkerd*/**mkrd* «грудь»: и.-е. **kerd*/**krd* «сердце»; **zisz* «кровь»: и.-е. **esH* «кровь» (ср. хетт. *eshar*); **tep*/**tp* «греться»: и.-е. **ep* «теплый»; **šew*/**šw* «рождать(ся)»: и.-е. **seu*/**si* «рождать»; **gen*/**gn* «понимать; сознать»: и.-е. **gen*/**gn* «знать, познавать»; **lag* «класть; лежать»: и.-е. **legH* «лежать»; **dew*/**dw* «класть; ставить»: и.-е. **dhe*/**dheH*/**dha* «класть; ставить»; **kus* «стонать», **kus-en* → **kunes*: и.-е. **kues*/**kus* «спыхать; выдыхать»; **bod* «бредить»: и.-е. **bhred(h)*/**bhrad(h)* «бредить»; **dga* «коза»: и.-е. **digh* «коза»; **orop* «удод»: и.-е. **erop*/**orop* «удод»; **til* «вошь»: и.-е. **tin*/**til* «вошь»; **dga* «почва; земля»: и.-е. **dhegh*-om «земля» (ср. хетт. *tekan*, тох. А *tham*) и др.

Положение о картвельско-индоевропейском морфонологическом изоморфизме как результате картвельско-индоевропейских языковых контактов дает основание по-новому поставить целый ряд проблем индоевропейской ареальной лингвистики, связанных с древнейшим распределением индоевропейских диалектов. Можно предположить, что носители карт-

⁹ Для архаичного периода краиндоевропейского языка реконструируется монотонная слоговая структура типа *CVCVCV*, аналогичная пракартвельской; см. С. Н. Воргстрём, *Thoughts about Indo-European vowel-gradation*, NTS, XV, 1940; его же, *Internal reconstruction of Pre-Indo-European word-forms*, «Words», 10, 2-3, 1954.

¹⁰ Г. В. Церетели при перечислении возможных причин возникновения картвельско-индоевропейского морфонологического изоморфизма, наряду с отражением отдаленного родства индоевропейского с общекартвельским или независимым происхождением структурного сходства в обеих языковых системах, называет и «средство в пределах ареального единства в результате многовековых контактов индоевропейских и картвельских языков» (см. его «О теории сонантов и аблаута в картвельских языках», в кн. «Система сонантов...», стр. 045). См. также: G. Deeters, *Die Stellung der Kharthwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen*, RK, 23, 1957, стр. 12 и сл. Г. Деетерсу картвельский представляется в виде языка северозападнокавказского типа, претерпевшего значительную трансформацию под влиянием индоевропейского субстрата.

¹¹ См.: Н. Вогт, *Arménien et Caucasicque du Sud*, NTS, IX, 1938, стр. 334 и сл.; Г. А. Климов, *Этимологический словарь картвельских языков*, М., 1984; ср. также: Г. А. Меликишидзе, *Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии*, ВДИ, 1965, 1, стр. 24 и сл.

вельского и индоевропейского языков занимали смежные территории в эпоху существования контактов между ними, примерно к концу III тысячелетия до н. э.¹²

Такая интерпретация структурных сходств между картвельским и индоевропейским позволяет отнести эти языковые системы к общей ареальной группе, к некоторому доисторическому союзу языков, находившихся друг к другу в аллогенетических отношениях, т. е. в отношениях приобретенного, вторичного родства.¹³

В свете выявляемых семитических заимствований в общиндоевропейском (протоиндоевропейском)¹⁴ индоевропейские заимствования в общекартвельском и картвельско-индоевропейский морфологический изоморфизм (сходство картвельских и индоевропейских морфологических структур) приобретает особую значимость для определения общего ареала для подобных языковых контактов¹⁵ и для установления таким путем первоначальной территории распространения общиндоевропейского (протоиндоевропейского) языка.¹⁶

Весь этот круг проблем структурно-типологической и ареальной лингвистики, порождаемый пракартвельскими реконструкциями и устанавливаемым картвельско-индоевропейским морфологическим изоморфизмом, объясняет тот возросший интерес, который проявляется в последнее время к картвельским языкам в структурно-типологическом и сравнительном индоевропейском языкознании¹⁷ и определяет ту оценку, которая дается в нем теории сонантов и аблаута в картвельских языках.

5. Резко отрицательную позицию в отношении теории сонантов и аблаута в картвельских языках и всей монографии в целом занял в самое

¹² Ср.: W. P. Lehmann, [ред. на кк.:] «Система сонантов...», «Language», 44, 2, 1968, стр. 404 и сл. Ранее высказывались предположения относительно контактов между картвельским и индоевропейским в период переселения хетто-лувийцев в Малую Азию через Кавказ (см.: Т. В. Гамкредидзе, «Анатолийские языки и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. М., 1964, стр. 5 («VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук»); Т. И. Мачавариани, К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях, там же, стр. 4 и сл.; ср. также: Th. V. Gamkrelidze, «Anatolian languages and the problem of Indo-European migration to Asia Minor», «Studies in General and Oriental Linguistics presented to Shirō Hattori», Tokyo, 1970, стр. 141.

¹³ Об аллогенетических отношениях между языками см.: Г. В. Церетели, О языковом родстве и языковых союзах, ВЯ, 1968, 3.

¹⁴ Ср. н.-е. **tauro-* «бык»; сем. **tauru* «бык»; и.-е. **ghaid-* «козленок; коза»; сем. **gadju* «козленок; коза»; н.-е. **ogh(h)no-* «ягненок; овечка»; сем. **igtu* «ягненок; молодой животное»; н.-е. **alu(t)* «терпкий или сладкий напиток; пиво»; сем. **h-l-w* «сладкий; сладкий напиток»; н.-е. **medhu* «мед; медовый напиток»; сем. **m-t-k* «сладкий»; н.-е. **dhyer-* «двор; дверь»; сем. **h-w* «ограда; огороженный двор»; н.-е. **hl(ā)u-* «запирать; ключ»; сем. **k-l-* «запирать»; н.-е. **ndu-* «судно; сосуд»; сем. **n-w* «сосуд»; н.-е. **peleku-* «секира; топор»; сем. **p-l-k* «скальзывать; топор»; н.-е. **dap-* «жертвоприношение»; сем. **d-b-h* «приносить в жертву»; н.-е. **(a)ster-* «звезда»; сем. **i-l-r* «обожествленная звезда»; н.-е. **arjo-* «господин»; сем. **h-r(r)* «освобождать; свободнорожденный» и др. (см.: В. М. Иллич-Свитыч, Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты, сб. «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964, стр. 3—7).

¹⁵ Интересно в этом отношении предположение о заимствовании в общекартвельском семитических числительных: **two* || «два» «восемь» (ср. аккад. *arba*, араб. *arba* «четыре») и **asir(r)* «сто», ср. аккад. *asirtu* (жен. р.), араб. *asr* «десять», *asir* «десятилет» (см.: Т. А. Кляшторная, Заимствованные числительные в общекартвельском, «Этимология», 1965, М., 1967).

¹⁶ О новейших теориях по поводу «азиатской» прародины индоевропейцев в связи с языковыми контактами между сино-тибетским и индоевропейским см.: E. G. Pulleyblank, Chinese and Indo-Europeans, IRAS, pt. 1—2, 1966.

¹⁷ См.: R. Anttila, Proto-Indo-European Schwabenhaut, Berkley — Los Angeles, 1969, стр. 177 и сл.; V. Pisani, [ред. на кк.:] «Система сонантов...», «Paideia», 22, 1967, стр. 414 и сл.; ср. W. P. Lehmann, унз. соч., стр. 404 и сл.

последнее время А. С. Чикобава¹⁸. А. С. Чикобава является, как известно, видным представителем кавказской лингвистики, во многом определившим современный облик и состояние одного из ее направлений, именуемого иберийско-кавказским языкознанием. Взгляды А. С. Чикобава на структуру и историю картвельских языков, высказываемые им при оценке определенных аспектов теории сонантов и аблаута, отражают тем самым принципиальную позицию определенного направления в кавказском языкознании, исходящего при сравнительном исследовании картвельских языков из концепции генетического родства всех групп кавказских языков.

Такое отрицательное отношение А. С. Чикобава к «Системе сонантов...» не является неожиданным и в принципе вполне закономерно, поскольку рецензируемая им работа отражает другое направление в кавказской лингвистике, возникшее в противовес основным положениям иберийско-кавказского языкознания и строящееся на базе классической компаративистики и достижений современной лингвистической науки. Однако такое отношение автора критической статьи к «Системе сонантов...» основывается, против всякого ожидания, не на всестороннем анализе и критической оценке основного содержания монографии, а на разборе одного частного аспекта теории сонантов и аблаута, относящегося к сфере языковой типологии. Обсуждение основных положений «Системы сонантов...», касающихся фундаментальных вопросов пракартвельских реконструкций и исторических взаимоотношений картвельских языков, откладывается для «специального кавказоведческого органа». обстоятельные рецензии на «Систему сонантов...» таких специалистов по сравнительной грамматике, как Х. Фогт, В. М. Иллич-Свитыч и Г. А. Климов, в которых детально разбираются именно эти основные положения рецензируемой монографии (ВЯ, 1966, 4, 6) А. С. Чикобава «перечеркивает» одной фразой: «в этих рецензиях основной вопрос остался вне поля зрения их авторов» («К вопросу об отношении...», стр. 50).

В чем же видит автор критической статьи основной вопрос разбираемой работы, ее основной вывод? А. С. Чикобава считает основным выводом работы выдвигаемый в заключительной главе монографии тезис о картвельско-индоевропейском морфонологическом изоморфизме, на основании чего картвельский и индоевропейский отнесены к общему типологическому классу языков. А. С. Чикобава стремится опровергнуть именно этот тезис, показать его несостоятельность — этим он думает опровергнуть и основную часть монографии, где проводится детальный сравнительно-исторический анализ картвельских языков, даются их языковые реконструкции и исследуются пути становления и исторического развития картвельских диалектов.

Автор критической статьи избрал, как нам кажется, методологически не вполне верный путь для опровержения выдвигаемых в монографии положений. Дело в том, что тезис о структурно-типологических связях между картвельским и индоевропейским находится в полной зависимости от характера картвельских праязыковых реконструкций, проводимых в работе на основании сопоставления исторических картвельских языков. В соответствии с этим оценка тезиса о картвельско-индоевропейском морфонологическом изоморфизме должна была зависеть от анализа предлагаемых пракартвельских реконструкций, основанного на обстоятельном разборе всего комплекса затрагиваемых в монографии проблем. В противном

¹⁸ А. р. Чикобава, К вопросу об отношении картвельских языков к индоевропейским и северокавказским языкам, ВЯ, 1970, 2 (далее — «К вопросу об отношении...»).

случае рассуждения о неправомерности включения картвельского и индоевропейского в общий типологический класс теряют под собой почву.¹⁹

Касаясь устанавливаемого в «Системе сонантов...» картвельско-индоевропейского морфонологического изоморфизма, А. С. Чикобава пишет: «Выявленный изоморфизм, если даже считать его бесспорным, не дает оснований включать картвельские языки в один типологический класс с индоевропейскими языками: по ряду основных моментов между ними нет никакого изоморфизма, а, наоборот, выявляются коренные расхождения» («К вопросу об отношении...», стр. 52). В «Системе сонантов...», однако, нигде не говорится, что картвельские языки можно включить в один типологический класс с индоевропейскими языками; дело касается отнесения к общему типологическому классу обобщенно-картвельской и общиндоевропейской языковых систем, а не происшедших от них соответственно картвельских и индоевропейских языков, — последние, естественно, уже не проявляя тех структурно-типологических сходжений, которые были характерны для их языковых состояний. Это принципиально различные вещи; в этом заключается существенная разница между истинным содержанием данного тезиса и его толкованием, содержащимся в статье А. С. Чикобава.

Далее. Разграничение хронологических уровней при анализе языковых структур является одним из основных методологических принципов, на которых строится теория сонантов и аблаута в картвельских языках, и пренебрежение этим положением может привести к ошибочному ее толкованию и неверным формулировкам. При перечислении структурных черт, которые приводятся А. С. Чикобава далее и «по которым картвельские языки коренным образом расходятся с индоевропейскими» («К вопросу об отношении...», стр. 52), не ясно, какой хронологический уровень картвельских и какой уровень индоевропейских языков имеется в виду. Без такой хронологической перспективы подобные сопоставления теряют свой смысл. Так, например, на языковом уровне некоторые из перечисленных А. С. Чикобава структурных особенностей **сбл ж а ю т**, а не отдаляют друг от друга картвельские и индоевропейские языки. Это касается в первую очередь трончной системы согласных²⁰ и эргативной конструкции предложения²¹ (пункты е, ф и h в разборе А. С. Чикобава

¹⁹ Декларативный и общий характер имеют содержащиеся в статье заявления вроде: «Морфология картвельских языков основана на принципе агглютинации: отдельная функция — отдельный формант»; «Возводит аблаут к общекартвельскому неправомерию»; «Из наличия сонантов [j, w] не вытекает необходимость постулировать наличие (наряду с l, r, n) слогообразующих [ɟ, ɣ, ɟ̃]: показавши картвельских языков не в состоянии поддержать такое допущение» и т. д. в таком же стиле («К вопросу об отношении...», стр. 59—60), они не могут претендовать на анализ принципиальных положений разбираемой монографии; из следует скорее рассматривать как повторение старых взглядов А. С. Чикобава на структуру и историю картвельских языков, критический обзор которых подробно дан в «Системе сонантов...».

²⁰ О трончной системе рядов согласных в общиндоевропейском см.: *звонике ~ глухие* — (звонике) прилагательные — см.: J. Kurylowicz, *Etudes indoeuropéennes*, стр. 46 и сл.; *его же*, *L'apophonie en indo-européen*, стр. 375 и сл.; W. P. Lehmann, *Proto-Indo-European phonology*, Austin, 1964, стр. 7 и сл.; ср. также: Т. В. Гамкрелидзе, *Перемещение согласных в хетском (несетском) языке*, в *Переднеазийский сборник*, М., 1961, стр. 212 и сл., 254.

²¹ Об эргативной конструкции в праиндоевропейском см.: A. Vaillant, *L'ergative indo-européenne*, BSLP, 37, fasc. 2 (de 110), 1936; В. В. Иванов, *Эргативная конструкция в общиндоевропейском*, «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Тезисы докладов», Л., 1964; *его же*, *Общиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы*, М., 1965, стр. 51 и сл. Примечательно, что эргативная конструкция, характерная для картвельских языков с их «самостоятельными эргативом», проявляемым в аористивной серии времен (в грузинском и сванском), находит ближайшую типологическую параллель в новиндийских языках, а не в североканнабских с их «совмещающим эргативом» (см.: W. S. Allen, *A study in the analysis of Hindi sentence-structure*, AL, VI, 2—3, Copenhagen, 1950—1951).

следовало бы объединить в один общий пункт, поскольку перечисленные в них структурные особенности представляют проявление одной и той же структурной закономерности). Что касается пункта b (агглютинативный принцип строения слова), то эта структурная особенность, характерная для некоторых исторических картвельских языков (лазского, отчасти мегрельского и в значительно меньшей степени для грузинского и особенно сванского), явилась результатом преобразования исходных общекартвельских структур, характеризовавшихся внутренней флексией (аблаутом), а не агглютинативным принципом строения, и сближающихся в этом отношении с общендоевропейскими структурами.

Таким образом, структурные особенности, привлекаемые А. С. Чикобава для иллюстрации схождения картвельских языков с северокавказскими, могли бы быть с таким же успехом использованы, при внесении определенной хронологической перспективы, для показа типологической близости картвельских и индоевропейских структур.

При разграничении хронологических уровней в развитии картвельских языков и при типологическом сопоставлении их с другими языковыми системами (т. е. картвельских структур на определенной хронологической плоскости, а не каких-то вневременных структурных особенностей картвельских языков вообще) возникает картина картвельской языковой системы, проявляющей типологические схождения как с индоевропейскими, так и с северокавказскими структурами. При этом система общекартвельского языка периода перед членением его на самостоятельные языковые единицы, которая восстанавливается на основании сравнения и сопоставления исторических картвельских языков, проявляет большую типологическую близость к индоевропейским структурам, чем к каким-либо иным (в том числе и северокавказским), что выражается в идентичности таких существенных особенностей языковой структуры, как строение морфем и схема их синтагматических отношений, характер сонантических фонем и их дистрибутивные модели, морфологические чередования гласных, а также целый ряд морфологических и синтаксических особенностей. Однако при ретроспективном движении в глубь общекартвельского языка и восстановлении путем внутренней реконструкции более ранних ступеней развития пракартвельского, когда, по всей вероятности, фонологическая система распадалась только на два класса фонем и отсутствовал оформившийся позднее механизм аблаутных чередований гласных, возникает картина пракартвельской языковой системы, хотя и весьма гипотетическая, типологически близкая к структуре некоторых северокавказских языков. Этот момент не был оставлен нами без внимания в «Системе сонантов...» (стр. 373): «Общекартвельский языковой тип архаичного периода можно охарактеризовать следующими общими чертами: (1) чрезвычайно сложный консонантизм и крайне простой вокализм (моновокалическая система); (2) фонологически релевантное подвижное ударение динамического характера; (3) полногласие на месте поздней полнослоговости; (4) преобладающая роль префиксации в формообразовании и словообразовании по сравнению с суффиксацией.

Полученная модель находит ближайшую типологическую параллель в горных иберийско-кавказских языках, в особенности в западнокавказской (абхазско-адыгской) группе...

Между тем А. С. Чикобава утверждает, будто бы в монографии «Система сонантов...» «о северокавказских языках, их структурно-типологических схождениях с картвельскими языками, вопрос не ставится» («К вопросу об отношении...», стр. 57).

Как видим, древнейшие языковые модели общекартвельского языкоосновы, полученные путем внутренней реконструкции, проявляют явные

типологические связи с северокавказскими, в особенности западнокавказскими языковыми моделями»²².

Не принимая во внимание изложенного выше, он приписывает авторам «Системы сонантов...» исключительное внимание к картвельско-индоевропейским структурно-типологическим параллелям и полное игнорирование вопросов картвельско-северокавказских типологических сходжений. Тем самым противопоставляются друг другу авторы коллективной монографии и создается впечатление, что один из них в дальнейшем полностью отошел от основных положений теории сонантов и аблаута в картвельских языках, «возвратившись к принципиальным установкам иберийско-кавказского языкознания» («К вопросу об отношении...», стр. 60, примеч. 38).

Дело в том, что примерно через полгода после выхода в свет «Системы сонантов...» была опубликована статья Г. И. Мачавариани «К типологической характеристике общекартвельского языка-основы», в которой «делается попытка охарактеризовать в общих чертах фонологическую и грамматическую системы общекартвельского языка-основы и путем сопоставления этих систем с соответствующими системами индоевропейских и горских иберийско-кавказских (северокавказских) языков выявить структурно-типологические параллели и различия между картвельскими языками и языками двух указанных групп»²³. Перечислив структурные особенности общекартвельского языка, по которым картвельские языки сближаются типологически с индоевропейскими и северокавказским языковым типом, Г. И. Мачавариани заключает: «Структурно-типологические черты, сближающие картвельские языки с северокавказскими, несомненно восходят к глубокой древности, в то время как индоевропейские черты общекартвельского лингвистического типа относятся к более позднему хронологическому пласту»; и далее: «Возникновение аблаута, по-видимому, явилось результатом фонологизации фонетически обусловленных альтернаций гласных. В свою очередь выделение сонантов в качестве особого, промежуточного между гласными и согласными класса фонем было связано с возникновением чередования гласных: слоговые аллофоны сонантов могли появиться только на нулевой ступени огласовки морфем»²⁴.

Нетрудно видеть, что выводы статьи Г. И. Мачавариани полностью согласуются с основными положениями о структурно-типологических особенностях общекартвельского языка-основы архаичного (восстанавливаемого путем внутренней реконструкции) и позднего периода (перед членением его на самостоятельные языковые единицы), которые излагаются в «Системе сонантов...», и принципиально ничем от них не отличаются.

Иначе представляется положение вещей в статье А. С. Чикобава. Перифразируя это место статьи Г. И. Мачавариани: «Итак, аблаут вторичен: чередование гласных в картвельском языке поначалу представляло фонетический процесс; морфологизация — результат реинтерпретации фонетического процесса; сонанты же в свою очередь обусловлены наличием аблаута», А. С. Чикобава делает вывод, совершенно не соответствующий разбираемым высказываниям из статьи Г. И. Мачавариани: «Тем самым сказано, — пишет А. С. Чикобава, — что на уровне общекартвельского

²² См. также стр. 470 русского текста книги «Система сонантов...»: «Такая фонологическая модель, отражающая древнейшую общекартвельскую систему, находит ближайшую типологическую параллель в языках северо-западного Кавказа с их сложной консонантной системой и максимально упрощенной системой гласных».

²³ ВЯ, 1966, 1, стр. 3.

²⁴ Там же, стр. 9, примеч. 29.

языка-основы ни аблаут, ни сонанты не могли быть характерными» («К вопросу об отношении...», стр. 55—56). Вызывает недоумение, каким образом из известного положения о позднем характере в системе общекартвельского языка-основы механизма аблаутных чередований и сонантических фонем, возникших на сравнительно позднем пракартвельском хронологическом уровне перед членением языка-основы на самостоятельные языковые единицы, делается заключение о нехарактерности для общекартвельского языка-основы системы аблаута и сонантов, и затем это мнение приписывается Г. И. Мачавариани, у которого нет и не могло быть такого положения. Это опять-таки объясняется полным равнодушием некоторых представителей иберийско-кавказского языкознания к вопросам релятивной хронологии и неразграничением хронологических уровней в развитии языка. Структурно-типологические схождения картвельского языка с северокавказскими ставятся в статье Г. И. Мачавариани, как, впрочем, и в «Системе сонантов...», не на первое место (а схождения с индоевропейскими соответственно — не на второе), как то представляется автору критической статьи («К вопросу об отношении...», стр. 60, примеч. 38), а считаются отражением архаичного состояния в развитии пракартвельского языка, предшествовавшего тому его состоянию, которое было характерно для общекартвельского языка-основы перед членением его на самостоятельные языковые единицы уже с типологическими чертами, сближающими его с индоевропейскими структурами. В данном случае не стоит вопрос о «месте» или «ранге» структурно-типологических связей картвельского с другими языковыми системами (северокавказскими, индоевропейскими); вся проблема заключается в хронологической последовательности структур, проявляющих типологическую близость к различным языковым системам на разных этапах общекартвельского языка-основы, начиная с архаичного периода его развития вплоть до периода перед распадом и членением его на самостоятельные языковые единицы. Поэтому типологические схождения общекартвельского языка с северокавказскими структурами на этом архаичном праязыковом уровне (к тому же восстанавливаемом путем внутренней реконструкции в весьма общем и сугубо гипотетическом виде) не могут в принципе считаться более показательными для общей характеристики картвельского языкового типа, чем те структурные особенности, которые восстанавливаются для общекартвельского языка на куда более реальном уровне поздних пракартвельских реконструкций, проявляющих наибольшую типологическую близость именно к индоевропейским структурам.

Структурные особенности северокавказского типа, которые свойственны картвельскому, несмотря на свою архаичность, не могут служить основанием для утверждений о генетическом родстве картвельских языков с северокавказскими. А. С. Чикобава прав, полагая, что «для решения вопроса об исконном генетическом родстве картвельских языков с северокавказскими языками недостаточно структурно-типологических схождений (необходима материальная общность морфем — корневых и формальных...)» («К вопросу об отношении...», стр. 56), — хотя это положение часто игнорируется самими сторонниками концепции генетической общности иберийско-кавказских языков, — но трудно согласиться с утверждением, будто «такая общность прослеживается» (там же). Если бы между картвельскими и северокавказскими языками прослеживалась общность закономерного характера (т. е. не являющаяся результатом случайных совпадений или заимствования) в субстанции значимых элементов — корневых и аффиксальных морфем, — то она бы с необходимостью проявилась в наличии регулярных звуковых (фонем-

ных) соответствий между картвельскими и северокавказскими языками. Поскольку такого рода фонемные соответствия между отдельными группами кавказских языков не выявлены (между картвельскими, с одной стороны, и абхазско-адыгскими или нахско-дагестанскими, с другой), утверждения о существовании между ними «материальной общности морфем» носят во всяком случае преждевременный характер. Научная правомерность объединения картвельских и северокавказских языков в общую генетическую семью всегда будет опираться теми исследователями, которые, исходя из принципов современной диахронической лингвистики, считают генетическое родство между языками окончательно доказанным лишь в том случае, если между ними устанавливаются фонемные соответствия закономерного характера. По этому поводу Г. В. Церетели писал: «Пока эти регулярные соотношения не будут установлены, вопрос о генетических связях между картвельскими языками и горскими языками Кавказа останется скорее предметом веры, чем знания, и как бы велика ни была эта вера, положению о родстве она доказательной силы не прибавит»²⁵.

В подтверждение тезиса об исконном генетическом родстве всех групп кавказских языков А. С. Чинобава ссылается на то, что «большинство кавказоведов предполагает исконное генетическое родство между всеми ветвями кавказских языков»²⁶. Но, как известно, вопросы этого порядка не решаются большинством голосов, тем более, что к этому «большинству» не относят себя такие исследователи-кавказоведы, как А. Г. Шанидзе, Г. С. Ахвледиани, Г. Деетерс, Х. Фогт, Г. В. Церетели, К. Х. Шмидт, А. Куйперс, Г. А. Меликишвили, Г. А. Климов и др. Притом предполагать родство вовсе не означает считать его окончательно установленным, что давало бы основание выделять особую семью родственных иберийско-кавказских языков. Семью родственных языков со специальным наименованием следует выделять лишь после доказательства, научного обоснования признанными методами лингвистического анализа родства рассматриваемых языков, их общего происхождения, а не на основе более или менее правдоподобных предположений о таком родстве.

Структурно-типологические черты общекартвельского языка, сближающие его с северокавказскими языковыми структурами, недостаточны в принципе для установления генетических отношений между картвельскими и северокавказскими языками, могут послужить основанием для объединения их по этому признаку в общий структурно-типологический класс²⁷. Но это вовсе не противоречит тезису о вхождении картвельского по ряду существенных структурных особенностей в общий типологический класс языков с видоевропейским. Структурная типология языков объединяет в особые структурно-типологические классы, в «союзы языков» такие языковые системы, которые проявляют целый ряд общих, сходных структурных черт. Языки, попавшие в определенный структурно-типологический класс по одному комплексу признаков, по другим структурным признакам могут быть отнесены к другому структурно-типологическому классу, к другому «союзу языков». Иными словами, структурно-типологическая классификация языков, в отличие от генеалогической классифи-

²⁵ См.: Г. В. Церетели, указ. соч., стр. 048—049.

²⁶ См.: «Языки народов СССР. IV — Иберийско-кавказские языки», М., 1967, стр. 7.

²⁷ Именно как структурно-типологическая, а не генетическая группа языков мыслят иберийско-кавказские языки некоторыми исследователями, например: N. M. Holmberg, *Ibero-Caucasian as a linguistic type*, «Studia Linguistica», I, 1, 1947.

кация, неоднозначна в отношении распределения языков по определенным структурно-типологическим группам²⁸.

Переходя к общей оценке теории сонантов и аблаута в картвельских языках, А. С. Чикобава пишет: «Монография „Система сонантов и аблаут в картвельских языках“... представляет собою поисковую работу. Поиски в науке необходимы. Поиски бывают удачные и неудачные. В данном случае неудача обусловлена направлением, в котором велся поиск...» («К вопросу об отношении...», стр. 60). Вся беда, оказывается в том, что «решать существенные вопросы истории и структуры картвельских языков, ориентируя исследовательскую мысль на взаимоотношения с индоевропейскими языками (рядка наша. — Т.Г.), игнорируя при этом взаимоотношения картвельских языков (исторические, структурные) с горскими иберийско-кавказскими языками, бесперспективно» (там же).

К каким последствиям приводят исследования структуры и истории картвельских языков с учетом их взаимоотношений (т. е. отношений родства) с «горскими иберийско-кавказскими» языками, говорилось выше. Что же касается ориентации «исследовательской мысли на взаимоотношения с индоевропейскими языками» при «решении существенных вопросов истории и структуры картвельских языков», то такое впечатление у автора критической статьи могло сложиться, как нам кажется, в результате несколько своеобразного прочтения «Системы сонантов...», непропорционального распределения внимания между основным разделом монографии и заключительной ее частью, где трактуются вопросы картвельско-индоевропейской типологии.

Основной раздел монографии, выпавший, к сожалению, из поля зрения автора критической статьи, посвящен именно изложению существенных вопросов диахронической структуры картвельских языков и проведению пракартвельских реконструкций без всякой предварительной ориентации исследования на структуру индоевропейских или каких-либо иных языков. Показание других языков (как индоевропейских, так и неиндоевропейских — северокавказских, семитических, тюркских) привлекаются нами лишь со структурно-типологической точки зрения, для типологической верификации предлагаемых языковых построений, т. е. для подтверждения возможности допущенных при диахроническом описании картвельских языков реконструкций и языковых преобразований. Другое дело, что реконструированные таким путем общекартвельские структуры оказываются поразительно схожими, почти идентичными структурам других языков, в данном случае — реконструированной системе индоевропейского языка, что дает основание относить их к общему структурно-типологическому классу языков. Устанавливаемый картвельско-индоевропейский морфонологический изоморфизм является следствием проведенного сравнительно-исторического анализа картвельских языков, а не его предпосылкой.

Именно такое направление исследования структуры и истории картвельских языков, основанное на учете исключительно внутренних системных закономерностей самих исследуемых языков, безотносительно к их каким бы то ни было внешним связям (в том числе и к связям с северокавказскими языками), характеризуемое А. С. Чикобава как «бесперспективное», приводит к обнаружению в картвельских языках фундаментально новых структур, позволяющих по-новому осветить целый ряд существенных вопросов истории картвельских языков и их отношений к другим язы-

²⁸ Ср.: J. H. Greenberg, *Essays in linguistics*, Chicago, 1957, стр. 66 и сл.

ковым системам. Именно в этом направлении мыслится нами дальнейшее развитие картвельистики и сравнительной кавказской лингвистики, ибо оно «открывает широкие перспективы для науки»²⁹.

Критическая статья А. С. Чикобава завершается экскурсом в историю изучения кавказских языков, в котором теория сонантов и аблаута в картвельских языках, характеризующаяся как «открытие» в кавычках, сопоставляется с такими же «открытиями» в области кавказских языков Фр. Боппа и Н. Я. Марра³⁰.

«Открытие» Фр. Боппа, одного из основателей сравнительного языкознания, автора первой сравнительной грамматики индоевропейских языков, заключается, по мнению А. С. Чикобава, в выдвинутом в свое время положении о родстве картвельских (иберийских) языков с индоевропейскими, относимых им в качестве кавказских членов к индоевропейской семье языков³¹. В дальнейшем, в эпоху бурного развития сравнительного индоевропейского языкознания и усовершенствования методики сравнительно-генетического исследования языков, индоевропейско-картвельские сопоставления Фр. Боппа были признаны неудовлетворительными. Однако сама идея индоевропейско-картвельского родства Фр. Боппа и целый ряд его сопоставлений приобретают в настоящее время совершенно новый смысл в свете данных современной «ностратической гипотезы» о наличии отдаленного генетического родства между отдельными семьями языков (в том числе между индоевропейской и картвельской).

Другое «открытие» приписывается Н. Я. Марру, который выступил в 1908 г. с обоснованием родства семитических языков с картвельскими («яфетическими») языками. Начав с общности структурных особенностей картвельских и семитических языков, Н. Я. Марр пытался устанавливать и материальную общность формантов между этими языками, которые были включены на этом основании в историческую семью языков. Характерно то, что Н. Я. Марр, как справедливо замечает А. С. Чикобава, «создавал сравнительную грамматику семитических и яфетических языков, не имея сравнительной грамматики самих яфетических языков — грузинского, чанского, мегрельского и сванского (последние три не были изучены даже в основных своих чертах)» («К вопросу об отношении...», стр. 61).

Новым этапом эволюции яфетической теории Н. Я. Марра явилось вовлечение в сферу исследований северокавказских языков и расширение круга яфетических языков абхазско-адыгскими и нахско-дагестанскими языками. «Яфетические языки» признаются уже отдельной семьей родственных языков, включавшей в себя картвельские и северокавказские языки. Семитические языки как отдельная семья языков противопоставляются семье родственных «яфетических языков». Отношение родства между этими семьями позднее заменяется в теории Н. Я. Марра отношением стадиальности: «яфетические языки» признаются более древними, чем языки семитические и индоевропейские.

²⁹ Г. В. Церетели, указ. соч., стр. 951. Выдающийся норвежский исследователь-кавказец Х. Форт полагает, что теория сонантов и аблаута в картвельских языках «открыла новые перспективы в картвельистике, которые будут стимулом для дальнейших исследований» (ВЯ, 1966, 6, стр. 116).

³⁰ Такая характеристика «Системы сонантов...» содержит намек на приводимое в статье А. С. Чикобава высказывание акад. В. М. Жирмунского, который в докладе Научного совета по теории советского языкознания за 1966 г. отмечал, что исследование о системе сонантов и аблаута в картвельских языках «углубилось открытием крупного масштаба, имеющим важное значение как для лингвистической теории вообще, так и для истории других (в частности, индоевропейских) языков» (см.: В. М. Ж и р м у н с к и й, О теории советского языкознания. ИАН ОЛЯ, 1967, 1, стр. 19).

³¹ См.: Ф. Г. В о р р, Die kaukasischen Glieder des indo-europäischen Sprachstammes, Berlin, 1847.

Заметим, что пример эволюции яфетической теории Н. Я. Марра, приводимый А. С. Чикобава в качестве иллюстрации одного из «открытий» в кавказском языкознании, может обернуться против отстаиваемой самим автором критической статьи иберийско-кавказской теории, теории генетического родства между собой всех трех групп кавказских языков. «Открытием» в яфетической теории Н. Я. Марра следует считать не только положение о родстве картвельских языков с семитическими, но и с тем же основанием — положение о родстве картвельских языков с северокавказскими, чем яфетическая теория перекликается именно с иберийско-кавказской теорией.

Легкость, с какою Н. Я. Марр от теории родства картвельских и семитических языков перешел к родству между всеми кавказскими языками, объединяемыми в семью «яфетических языков», весьма показательна и напоминает методы, которые применяются некоторыми современными исследователями при установлении «материальной общности (идентичности) формантов» между различными кавказскими языками (картвельскими и северокавказскими), объединяемыми ими в семью «иберийско-кавказских языков». Принципы, с помощью которых обосновывается такое родство, позволяют при желании значительно расширить круг «родственных» языков и включить в него не только кавказские, но и с таким же правом многие другие языки.

Не случайно, в частности, что «иберийско-кавказские языки» в некоторых теориях рассматривались как отдельная ветвь еще более широкой семьи «хеттско-иберийских языков», включавшей наряду с кавказскими языками все индоевропейские и несемитические языки Древней Передней Азии (шумерский, эламский, урартский, хурритский, протохеттский) и Средиземноморья («пеласгский», этрусский, баский»). Такое объединение в единую семью всех этих в структурно-типологическом отношении весьма разнородных, не сводимых друг к другу языков осуществлялось без всякого предварительного сравнительного анализа их, без установления определенных соотношений между ними.

Критикам теории и методологии Н. Я. Марра следовало бы быть более осторожными при «распределении» языков по обширным генетическим группам и семьям.

Приводимые А. С. Чикобава предостерегающие примеры «открытий» в кавказском языкознании в назидание сторонникам новшеств в картвеведологии говорят скорее против отстаиваемых самим автором критической статьи «принципиальных установок иберийско-кавказского языкознания»³².

Придерживаясь стиля критической статьи А. С. Чикобава с экскурсами в историю, можно было бы сопоставить позицию, занятую ее автором в отношении теории сонантов и аблаута в картвельских языках, с реакцией Г. Курциуса, крупного представителя старшего поколения сравнительного индоевропейского языкознания, на обнаружение в индоевропейском языке К. Бругманном, одним из основателей младограмматического направления, слоговых сонантов *m* и *n*, наряду со слоговыми *i* и *u*³³. Обнаружение слогообразующих сонантов **r*, **l*, **m*, **n* и выявление их парат-

³² Между прочим, при критической оценке языковедческого наследия Н. Я. Марра зачастую перекривается и то позитивное, что было сделано им в области изучения структуры и истории картвельских языков. Не следует забывать, по крайней мере представителям иберийско-кавказского языкознания, что целый ряд «принципиальных установок» этого направления был выдвинут впервые именно Н. Я. Марром: о смешанном характере сванского языка, о делении картвельских языков на свистящую и шипящую группы, о занском полногласии и др.

³³ См.: K. Brugman, Nasalis sonans in der indogermanischen Grundsprache, «Curtius Studien», IX. 2, 1876.

лелизма с сонантами /**w*/ и /**j*/ содействовало вскрытию сложного механизма аблаутных чередований в индоевропейском и сыграло решающую роль в установлении системы индоевропейских гласных ⁸⁴.

Однако это открытие К. Бругманна, определившее в дальнейшем весь ход развития сравнительного изучения индоевропейских языков, не было должным образом понято и оценено Г. Курциусом, занявшим резко отрицательную позицию в отношении теории К. Бругманна. Тем самым Г. Курциус, не взирая на все свои прежние заслуги перед сравнительным индоевропейским языкознанием, вошел в историю языкознания как исследователь, «который с достойным сожаления непониманием пытался противостоять прогрессу» ⁸⁵.

⁸⁴ См. об этом: F. de Saussure, *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*, Leipzig, 1879.

⁸⁵ H. Pedersen, *The discovery of language. Linguistic science in the 19th century*, Bloomington, 1962, стр. 293.